

«Вечерняя Москва»
г. Москва

23 июл 1964

РАДОСТНОЕ ОТКРЫТИЕ

держивает, который оттеняет безграничную естественность, правдивость исполнительницы, обязана Фрейндлих первыми успехами.

Я помню, как на постановке сказки Гоцци вышел на авансцену худенький мальчик — Пролог и, произнеся несколько строчек, растянул театральные занавесы. В то время мне, «командировочной», имя Алисы Фрейндлих ничего не говорило. Но уже тогда в ее исполнении крошечной роли было то особенное, что принято называть словом индивидуальность. На следующий вечер я пошла уже «на Фрейндлих», то есть сделала то, что регулярно и систематически делают многие и многие ленинградцы. А сейчас, когда театр на гастролях, и москвичи.

Девочка Катя в «Раскрытом окне» Э. Брагинского обнаружила для меня смелостью юной исполнительницы, ее легкое умение выдумывать, фантазировать, изображая выдумщицу и фантазерку — свою героиню.

Потом было много ролей. Мальчик Котя из «Светите, звезды» И. Микитенко, Поля Вихрова из «Живой воды» по Л. Леонову, Маша из «Времени любить» Б. Ласкина. Много спектаклей и много удач. Потому что сценическое бытие актрисы было отмечено непрерывным, все возрастающим успехом. То, что уже тогда делала на сцене Фрейндлих, могло на долгие годы

стать творческим капиталом для любой молодой актрисы. Она была органична, она была обаятельна, обладала своеобразной, чуть угловатой и пленительной пластикой, пела-проговаривала милые песенки. При этом она не чуралась характерности (почему-то это почитается особой за заслугу актрис молодых) и все ее сценические создания были отмечены собственной, особенной индивидуальностью актрисы. Повторяю, все это могло бы оказаться творческим «потолком» для любой ровесницы Фрейндлих. Но было что-то в ее индивидуальности, что обещало большее. Гораздо большее.

И уже начинали тревожить и огорчать все эти бесчисленные девочки и девушки, достоверные, смешные, обаятельные. Да и у самой актрисы, вероятно, исчерпалась фантазия создания образов однотипных, характеров схожих. Появились самоповторы, свои собственные штампы.

И когда полтора года назад Ленинградский театр имени Ленсовета привез в Москву один из своих спектаклей «Первый встречный» Ю. Принцева, где Фрейндлих исполняла роль девушки угловатой и незаметной, но с чистой и прекрасной душой, тревога охватывала за Фрейндлих. Неужели эта особенная и так много обещающая индивидуальность завершится успехами столь обыкновенными, признанием заслуженными и все

же вызывающим чувство неудовлетворенности?

Открытием «новой» Фрейндлих мог бы стать «Пигмалион» Б. Шоу и роль Элизы, создавшая не одну сценическую репутацию. Однако и эта работа скорее обещала, скорее манила. Фрейндлих играла Элизу интересно, в чем-то неожиданно. Она рисовала образ задумчивой и строгой девочки, лишь внешними узами связанной со средой, в которой она оказалась, девочки с громадным чувством собственного достоинства, с суровой гордостью взирающей на мир. И когда она в изящном костюмчике «сдавала экзамен» перед миссис Хиггинс и ее друзьями, перед нами оказывался человек прекрасный и непримиримый. Прекрасный в своей убежденной целенаправленности и по-юному непримиримый.

Что ж, и такой можно играть Элизу. Фрейндлих это доказала. И все-таки чего-то не хватало. Сейчас, после Тани, я думаю, что ей не хватало умения любить, умения жить безраздельно и самоотверженно одним этим чувством. Как странно — актриса, призванная создавать характеры цельные и значительные, как-то все словно не решалась на это.

И вот — Таня. Удивительная не только неожиданностью толкования этой столь популярной роли из пьесы

А. Арбузова, но и открытием новой Фрейндлих.

В первой картине Таня — Фрейндлих совсем девочка, немножко балованная и смешная, она ребенок, в характере которого причудливо сочетаются эгоизм и щедрость. И опять-таки, как во всех ролях, удивительное в столь юном возрасте чувство собственного достоинства. И когда она, худенькая девочка в синих буфазейных штанишках и белом свитере, тесно обтягивающем угловатые плечи, говорит Герману: «Никогда меня больше не обижай, никогда», страшно становится, с какой остротой и силой чувствует она. Да, Таня — Фрейндлих не весела. Она дурачится искренне и искренне шутит с вороненком Семеном Семеновичем. Но мыслями и чувствами ее владеет он — Герман.

Это великая любовь. И великая сила души. Так почему же не весела Таня в первой картине? Ведь пока еще Герман с ней. Вероятно, потому, что пока. И потому, что это «пока», эта временность неизбежны. Послушайте, как упорно повторяет Герман, что у Тани нет своих интересов, что это скучно, что не зря ли бросила она институт... Герман обыкновенный человек с обыкновенными представлениями о жизни, об обязанностях людей, об их взаимоотношениях. Судьба принесла ему неожиданный дар. А ему хочется на хо-

лостую вечеринку к друзьям. Его влечет работа. Его взволновал женский портрет в газете — героиня, живет на Севере...

Героиня была рядом с ним. Но он просто не знал. В спектакле возникает странный и неожиданный конфликт между необычным и ordinарным, между яркой человеческой индивидуальностью и окружающими ее, пусть неплохими, но такими обыкновенными людьми. Как легко находят все они друг друга, как уныло и мило веселятся, поют песенки под гитару, говорят друг другу симпатичные банальности! А она в стороне. Не то что она «дуется», как думает Герман, и не то что ревнует... Ей все эти ни к чему... И она им — странная и чужая.

А вот когда у этого ребенка с трагическими глазами начинают одну за другой отнимать все привязанности в жизни... Сперва Семена Семеновича, которого чужая и благополучная женщина Шаманова велела выпустить (ей с ее «нормальным» мышлением в диковинку, что можно держать вороненка). Потом Дуся — ту жизнь увела на завод, сделала из прислуги строительницу нового общества. И, наконец, Герман, который совершает главное предательство — в любви. Что будет с ней?

Фрейндлих цельно, сильно и откровенно играет первые две картины. Может быть, где-то перед самым уходом из дома, уже после

того, как стремительно и уверенно она бросила в старый чемоданчик случайные тряпки, актриса где-то мельчит. Берет излишне медленно старые институтские конспекты, прощается с мебелью... Но это мелочи. Она ушла. За ней захлопнулась дверь.

А любовь жила. И сцена смерти Юрика по силе и трагизму удивительная. Снова сломалась последняя соломинка, что держала ее на поверхности. Но даже не это главное. Порвалась последняя нить, связывавшая ее с Германом. Все с ним же. Потому что, кажется, она и предательство ему простить готова: любовь. Но он и прощения не просит... Он же не знает, что ушло из его жизни. Он не знает, что он потерял, думая, что нашел счастье с другой.

Есть в спектакле и еще сцены, где умно, тонко, прекрасно играет Фрейндлих. Мне думается, правда, они менее интересные, чем картины первого акта. Здесь мы увидели радостно знакомую Фрейндлих. Там — новую. Ту, что опять обещает и в которую веришь с новой убежденностью.

...Когда читатели газеты развернут этот номер, Алиса Фрейндлих будет впервые на публике играть Джульетту. Свою первую трагическую роль. Что принесет она актрисе? И что принесет ей Фрейндлих? Это решит сегодняшний вечер.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.